

Чжоу Фу, лишенный физического тела, не мог принять из рук Шэнь Цинчжоу полотняный мешочек, поэтому просто подхватил его духовной силой. Бережно развязав тесемки, он высыпал на ладонь все скопившиеся внутри осколки и вернул опустевшую ткань юноше.

— Как же она разбилась? — недоумевал Шэнь Цинчжоу.

— Таоте пытался применить к тебе технику обыска души, — терпеливо объяснил Чжоу Фу, — и Нефритовая Книга Гор и Морей приняла удар на себя. Сама по себе она не должна быть столь хрупкой, однако это лишь один фрагмент. Он слишком долго находился вдали от первоисточника, его сила истощилась, оттого он и рассыпался от легчайшего прикосновения.

— Вот оно что, — кивнул Шэнь Цинчжоу.

Он искоса взглянул на Таоте. Свирепый зверь теперь стоял смирно, опустив лапы, кроткий и покорный — ни следа от его прежней вспыльчивости и своенравия.

— Раз уж с этим покончено, мне пора возвращаться, — продолжил Шэнь Цинчжоу. — Меня ждут.

Ему казалось, что нынешний Чжоу Фу неуловимо отличается от того, кого он встретил на Алтарной террасе императоров. Но если бы его спросили, в чем именно разница, он вряд ли смог бы объяснить.

— Не спеши. Мы еще не закончили с Нефритовой Книгой. Подожди еще немного, — мягко остановил его Чжоу Фу.

Он поднял ладони. Многочисленные осколки взмыли в воздух, медленно вращаясь над его пальцами. Они испускали слабое, мерцающее свечение, словно крошечный фрагмент Млечного Пути сошел с небес в этот бренный мир.

Сделав легкий шаг в сторону, Чжоу Фу слегка развернулся вполоборота к Шэнь Цинчжоу.

Мягкий свет озарил его полупрозрачное лицо. Тонкие, словно выточенные искусным мастером черты тонули в полумраке, отчего в его облике поубавилось величественного божественного бесстрастия, но проступило нечто завораживающее, почти потустороннее. В этот миг он походил на загадочного духа, рожденного в туманной глуши лесов и речных заводей.

"Да, именно под таким углом!"

Чжоу Фу украдкой наблюдал за реакцией Шэнь Цинчжоу. Он прекрасно понимал, что при таком освещении сглаживаются все изъяны его иллюзорного облика, а сам он кажется теплее и дружелюбнее.

Но едва он поднял глаза, как обнаружил, что Шэнь Цинчжоу заворуженно созерцает парящие осколки Нефритовой Книги, совершенно не обращая внимания на его лицо.

Несколько раздосадованный, Чжоу Фу сник. Он решительно сомкнул ладони, собирая осколки воедино, и принялся разминать их пальцами — резко, со злостью, словно вымещая на древней реликвии всю свою обиду.

Внезапно он замер. Чжоу Фу удивленно приподнял брови. Сжав осколки в одной ладони, пальцами другой он ухватил что-то крошечное внутри этой массы и потянул наружу, словно тонкую шелковую нить.

Это была серебряная струна. Чжоу Фу держал один её конец, в то время как другой плавно извивался в воздухе, напоминая крошечную серебристую змейку, высматривающую добычу.

— И когда только сюда успели вплести это заклинание? — пробормотал он.

Шэнь Цинчжоу изумленно выдохнул:

— Ты можешь вот так запросто взять заклинание и... — Он от удивления даже руками развел, пытаясь изобразить жест. — Буквально вытащить его наружу?

— Пустяки, обычная ловкость рук, ничего выдающегося, — Чжоу Фу изо всех сил старался говорить небрежно, но на лице его проступила нескрываемая гордость, а во взгляде так и читалось отчаянное: "Ну хвали же меня, хвали!"

Шэнь Цинчжоу не заставил себя ждать и искренне восхитился:

— Это просто невероятно!

Чжоу Фу щелкнул пальцами, и серебряная нить послушно свернулась в кольцо. Концы ее бесшовно сплелись, образовав изящный тонкий браслет.

Легким взмахом руки Чжоу Фу заставил украшение мягко закружиться в воздухе и опуститься прямо в ладонь Шэнь Цинчжоу.

— В этом плетении запечатаны воспоминания. К несчастью, этот обломок скитался по миру тысячи лет, и теперь уже не узнать, кому именно предназначалось послание. Не мог бы ты присмотреть за ним?

— Воспоминания? — переспросил Шэнь Цинчжоу. — А ты знаешь, чьи они?

— Эм... Ох, прости, я не успел толком всмотреться, — Чжоу Фу растерялся, на его щеках проступил едва заметный румянец смущения. От его недавнего величия, с которым он одним словом заставил повиноваться самого Таоте, не осталось и следа. Сейчас он походил на нерадивого ученика, которого учитель застал врасплох посреди урока.

Он долго хмурился, пытаясь вспомнить, и наконец нерешительно произнес:

— Кажется... это была женщина. Ее звали...

Поколебавшись еще немного, он кивнул с уверенностью:

— Да, Ли Чжао. Тот иероглиф "Ли", что означает простой народ, и "Чжао", как сияние в небесах. Кстати, она ведь потом стала императором.

Воспоминания Тай-цзу династии Ян? Впрочем, неудивительно. В свое время Император Чжаоле преподнес этот осколок основательнице династии Ян, так что она вполне могла запечатлеть в Нефритовой Книге осколок своей памяти.

Но кому предназначалось это послание?

Заметив растерянность на лице Шэнь Цинчжоу, Чжоу Фу поспешил объяснить:

— Держи его у себя. Заклинание само отыщет того, кто должен его получить.

— Значит, этот браслет сам укажет на нужного человека? — на всякий случай уточнил Шэнь Цинчжоу.

— Именно так, — радостно закивал Чжоу Фу.

Шэнь Цинчжоу ненадолго задумался, а затем согласно кивнул:

— Хорошо, я сберегу его.

Чжоу Фу тем временем вернулся к своему занятию. Под давлением его пальцев осколки древней реликвии постепенно истирались в порошок, а затем, словно по волшебству, начали лепиться воедино, превращаясь в подобие упругого серовато-белого теста.

Его лицо сделалось предельно сосредоточенным. Время от времени он замирал, словно никак не мог решить, какую же форму придать этой податливой массе.

Шэнь Цинчжоу наблюдал за этим зрелищем с замиранием сердца, искренне опасаясь, что тот в

любой момент может безвозвратно погубить Нефритовую Книгу.

Чуть поодаль, всеми позабытый, топтался Таоте. Он нервно водил глазами из стороны в сторону, не зная, как поступить. Сбежать — значит навлечь на себя гнев Господина Бучжоу, который мигом вернет его назад. Остаться — рисковать тем, что грозный покровитель сочтет его присутствие навязчивым и неуместным.

Наконец, переборов нерешительность, зверь робко подал голос:

— Господин Бучжоу...

Чжоу Фу медленно повернул голову. Его взгляд, устремленный на чудовище, сделался абсолютно холодным, лишенным малейшего намека на чувства.

В этот миг он казался несокрушимой, безучастной ко всему живому скалой.

— Господин Бучжоу? — в недоумении пробормотал Шэнь Цинчжоу, пробуя на вкус незнакомое имя.

— О, пустяки, — Чжоу Фу тут же обернулся к нему, расплывшись в теплой улыбке, отчего его лицо вновь обрело прежнюю живость. — Просто глупое прозвище, которым меня наградили другие.

Таоте тайком смахнул тыльной стороной ладони холодный пот со лба. Он вымученно усмехнулся.

— Раз уж Господин Бучжоу обрел... — он бросил быстрый взгляд на Шэнь Цинчжоу, явно колеблясь, как правильно назвать юношу, — обрел того, кого искал, а все недоразумения разрешились... могу ли я удалиться?

Чжоу Фу лишь безучастно хмыкнул и, совершенно не таясь, спросил Шэнь Цинчжоу:

— Хочешь, чтобы я отпустил его?

Шэнь Цинчжоу на мгновение растерялся.

"Даже если я не отпущу его, — мысленно сокрушался он, — то что делать, когда Чжоу Фу уйдет? Разве мне под силу справиться с Таоте? То, что мне удалось уцелеть в этой заварухе, уже великое чудо!"

Однако отпускать древнее зло на все четыре стороны тоже казалось делом сомнительным.

Поразмыслив, Шэнь Цинчжоу твердо произнес:

— Иди, преграждать тебе путь никто не станет. Но ты должен поклясться, что прекратишь помогать канцлеру Цаю в его мятежных замыслах и губить невинных людей. Если до меня дойдут слухи, что ты взялся за старое...

Испытав легкий укол совести, он без тени сомнения решил воспользоваться авторитетом своего заступника:

— Тебе ведь вряд ли хочется вновь беспокоить Господина Бучжоу?

По правде говоря, Шэнь Цинчжоу предпочел бы навсегда избавить мир от бесчинств чудовища, но раз уж сам Чжоу Фу не стал препятствовать похищению барабана Куйню, глупо было лезть на рожон и бросать вызов разъяренному урагану в облике зверя.

— Цай Цинжу? — фыркнул Таоте, пренебрежительно усмехнувшись. — Да пусть хоть в бездну провалится, мне нет до него дела. Я ведь не слепец и прекрасно вижу, к чему все идет. С его нынешними амбициями он уже одной ногой в могиле.

Чжоу Фу уловил смутную тревогу, терзавшую душу юноши. Он оживился.

— Беспокоишься, что он натворит бед? Что ж, я заброшу его куда-нибудь подальше и запру на время. Пусть люди успеют подготовиться.

Шэнь Цинчжоу слегка прикусил губу. Шагнув ближе к духу, он тихо спросил у самого его уха:

— Твое предназначение запрещает тебе лишать жизни?

Чжоу Фу почувствовал, как теплое дыхание коснулось его мочки. В то же мгновение его тело словно окаменело. Слова Шэнь Цинчжоу отозвались в его сознании такой нежной, щекочущей истомой, что он напрочь позабыл, как нужно говорить.

— Чжоу Фу? — позвал Шэнь Цинчжоу, решив, что тот его не расслышал, и придвинулся еще на полшага.

"Мои духовные силы слишком ничтожны, — мысленно вздохнул он. — Владей я техникой передачи мыслей на расстоянии, не пришлось бы шептаться, словно заговорщикам".

Они стояли почти вплотную. Чтобы привлечь внимание застывшего истуканом собеседника, Шэнь Цинчжоу протянул руку и слегка потянул его за широкий рукав.

К его величайшему изумлению, ткань под его пальцами оказалась осязаемой.

Шэнь Цинчжоу невольно замер, удивленно разглядывая свою ладонь.

Для Шэнь Цинчжоу это было лишь невинной попыткой перекинуться парой слов без лишних свидетелей, но для Чжоу Фу мир перевернулся.

Он перенес в эту пещеру лишь частицу своего сознания, призванную слабой струйкой чужой ауры, и по всем законам бытия должен был оставаться бесплотным призраком. Внезапное прикосновение юноши застало его врасплох.

Шэнь Цинчжоу прижимался к нему почти вплотную, плечом к плечу. Чжоу Фу улавливал каждое движение его грудной клетки, чувствовал теплое, живое дыхание, щекотавшее шею и несущее в себе неодолимую силу самой жизни.

Опустив взгляд на комок размятой Нефритовой Книги, Чжоу Фу внезапно ощутил дикое, почти непреодолимое желание швырнуть древнюю реликвию на землю.

"Какая досада! Если бы мои руки не были заняты этой чепухой, я мог бы просто обнять А-Чжоу..."

От этой мысли Чжоу Фу до глубины души расстроился, его разум заполнили путанные, ребяческие фантазии.

Не дождавшись ответа, Шэнь Цинчжоу сокрушенно подумал, что затронул запретную тему. В исторических хрониках имя Чжоу Фу никогда не упоминалось, однако судя по тому, как пресмыкался перед ним Таоте, Господин Бучжоу занимал исключительное положение в иерархии древних существ. А значит, его истинная миссия вполне могла быть тайной за семью печатями.

— Сделайте милость, уважаемые, могу я наконец идти? — нетерпеливый голос Таоте бесцеремонно нарушил молчание.

Древний зверь благоразумно зажал уши, чтобы не подслушивать чужие секреты, но эти двое застыли друг напротив друга и уже целую вечность не подавали никаких признаков жизни.

— Да, уходи, — Шэнь Цинчжоу поспешно выпустил рукав Чжоу Фу и с нарочито невозмутимым видом кивнул чудовищу.

Чжоу Фу помрачнел. Сжав губы в тонкую линию, он молча, со злостью принялся терзать многострадальный комок Нефритовой Книги.

Таоте облегченно выдохнул и упер лапы в бока, заговорив на удивление серьезно:

— Возвращаться на старое место я не желаю, да и с этим типом Хундунем мне делить нечего. Если на то воля Господина Бучжоу, забросьте меня лучше к Таоу.

— Обязательно к Таоу? — хмуро бросил Чжоу Фу. — А как насчет Цюнци?

— К Цюнци? — Таоте издевательски хмыкнул, не скрывая злорадства. — Избавьте! Тот бедолага и себя-то прокормить не в силах. Если я явлюсь на его порог, несчастный просто протянет ноги от голода. Цюнци — он ведь нищ до неприличия!

— Вот как, — с непроницаемым лицом кивнул Чжоу Фу. — В таком случае я отправлю тебя в Западный предел.

— В За... Погоди, в Западный предел?! — при этих словах Таоте мгновенно растерял всю свою спесь, его охватил неподдельный ужас. — Полноте, Господин Бучжоу! Если вы желаете мне смерти, так прикончите на месте, к чему эти издевательства с Западным пределом?!

Чжоу Фу даже бровью не повел. Проигнорировав отчаянные причитания зверя, он лениво взмахнул ладонью:

— Божественная воля: Умиротворение рубежей.

Пространство вокруг Таоте исказилось. Фигура чудовища задрожала, пошла рябью и вместе с недоговоренными проклятиями бесследно растаяла в воздухе, словно облачко дорожной пыли.

Шэнь Цинчжоу замороженно посмотрел на то место, где только что стоял зверь.

— Неужели Западный предел так опасен для него? Он действительно может там погибнуть?

— Вовсе нет, — с самым серьезным видом принялся разъяснять Чжоу Фу. — Просто этому приспособленцу не помешает провести пару дней в водах Реки Емин, чтобы остудить пыл и выбить дурь из головы.

Река Емин?

Шэнь Цинчжоу смутно помнил легенды о Емине — древнем божестве, властвующем над ходом времени и путями небесных светил. Согласно преданиям, обитал он именно на самом краю Западного предела. Но что за река носит его имя? Быть может, это священный поток, подвластный его воле?

Шэнь Цинчжоу решил поберечь расспросы. Спроси он сейчас, в чем секрет Реки Емин, Чжоу Фу наверняка лишь беспечно отмахнулся бы в своей манере: "Ну, это просто такая река".

Вместо этого юноша зацепился за странное выражение, сорвавшееся с губ собеседника.

— А что значит "приспособленец"?

— Обыкновенный флюгер, который вертится туда, куда дует ветер.

Шэнь Цинчжоу мысленно покачал головой: в поведении грозного Таоте не было ничего от жалкой травинки, гнущейся под ураганом. Видимо, за этим определением скрывались давние, ведомые лишь им одним распри ушедшей эпохи.

Внезапно Чжоу Фу нарушил молчание неожиданным вопросом:

— А-Чжоу, тебе ведь нравятся пирожные тоски?

Шэнь Цинчжоу растерянно моргнул. Откуда ему было это известно?

С самого своего появления в семье Цинь он привык взвешивать каждый шаг и каждое слово. В повседневной жизни он никогда не выказывал личных пристрастий, так что даже нынешний глава клана, из кожи вон лезший, дабы завоевать его расположение, блуждал в потемках относительно его вкусов. О его маленьких слабостях мог знать разве что покойный учитель — старый глава Цинь.

Откуда Чжоу Фу узнал об этом? Насколько хорошо он вообще изучил его жизнь?

Шэнь Цинчжоу почувствовал тревогу от этих мыслей. Подавив внутреннее волнение, он натянул на лицо вежливую улыбку.

— С чего вдруг такие расспросы?

Вместо ответа Чжоу Фу медленно разжал ладони и с гордым видом, словно величайшее сокровище мира, протянул их юноше. В его ладонях покоилось аккуратное двухцветное лакомство.

Белоснежное, будто свежавыпавший снег, и пронизанное алыми прожилками, оно выглядело безупречно чистым и источало едва уловимый, нежный аромат.

Это действительно было пирожное тоски.

— Угощайся, — Чжоу Фу сиял восторгом. Он держал сладость бережно, словно хрупкий бесценный дар.

Предлагает ему съесть... это?

Шэнь Цинчжоу замер в глубоком смятении, решительно не понимая, как реагировать на подобный жест.

Чжоу Фу истолковал его замешательство по-своему и поспешно заверил:

— Не бойся, я ведь бесплотен. Моего физического прикосновения здесь нет — только чистая духовная энергия. Оно абсолютно чистое!

— Дело вовсе не в этом, — вздохнул Шэнь Цинчжоу, поднимая на него глаза. — Если я правильно понимаю... ты приготовил это из Нефритовой Книги Гор и Морей?

— Ну да, — легко согласился Чжоу Фу.

— И ты предлагаешь мне съесть древнюю реликвию?!

<http://bllate.org/book/18428/1864909>